

УДК 82.0+821.111
DOI 10.23951/1609-624X-2020-3-86-95

«СВЯТАЯ ПРОСТОТА»: РУССКИЙ «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О. А. Москаленко

Севастопольский государственный университет, Севастополь

Введение. В современном историко-фантастическом романе «The Senility of Vladimir P» воссоздается типичный образ «маленького человека» и конструируется узнаваемый западным реципиентом миф о России, представляющий собой многослойную систему стереотипов.

Цель – охарактеризовать стереотипный образ русского «маленького человека» в современном британском романе и определить, какую функцию он играет в метамифе о России как иной среде.

Материал и методы. В качестве основной выбрана методология компаративистики, в частности имагологии, междисциплинарная природа которой позволяет изучать образ «Иного» в общественном, культурном и литературном сознании другой страны, в частности Великобритании, на интертекстуальном, контекстуальном и непосредственно текстовом уровнях, используя понятие стереотипов (по Й. Леерсену), на материале романа М. Хонига «Слабоумие Владимира П.».

Результаты и обсуждение. Под скандальным заголовком автор предлагает нам повествование о жизни в России через призму темы «маленького человека». Главный герой – Николай Шереметьев не склонен к рефлексии, не видит мерзостей жизни до момента возникновения ситуации утраты: ареста племянника. С этого момента повествование набирает обороты, меняется его характер: действительность приобретает все больше гротескных черт, а читатель становится свидетелем болезненной трансформации Шереметьева, «маленького человека», последнего честного человека в России, который идет на сделку с совестью и начинает действовать в рамках англо-саксонской традиции. Образ «другого» подается Хонигом именно с перспективы англосаксонской традиции, децентрированной, в которой на самом деле выписаны и все остальные персонажи: русские только по антуражу и соответствующие западному стереотипу, но при этом зараженные западным индивидуализмом. Персонажи романа классифицированы по типам в зависимости от модели поведения и протипа.

Заключение. М. Хониг выстраивает гротескный, абсурдистский образ России середины XXI в. Персонажи-этнотипы действуют в условных ситуациях, не претендуя на психологизм изображения и раскрытие характеров, потому что должны создать максимально полную, всеохватную картину российской действительности, отразить русские национальные черты такими, какими они вписаны в привычный для британцев миф о России. Этнотип граждан России середины XXI в. Хониг конструирует из: 1) традиционного для русской литературы образа маленького человека (Николай Шереметьев) и его окружения; 2) медийного образа российских чиновников высшего эшелона власти, сформированного преимущественно западными СМИ и российскими либеральными СМИ; 3) утрированного и схематичного образа типичного русского, фигурировавшего в западном кино конца XX в. Перед нами конфликт не только разных жизненных установок, но противопоставление русского и английского (шире – англо-саксонского) миров на культурно-цивилизационном уровне. Роман Хонига – пример вторичной актуализации, когда сконструированный под воздействием медиа художественный текст начинает восприниматься в качестве образца *non-fiction*, становясь своеобразным симулякрот реальности.

Ключевые слова: имагология, этнотип, образ России, британская литература, маленький человек, миф, русский миф.

Введение

Взаимодействие и взаимовлияние британской и русской литератур находятся в фокусе пристального внимания как отечественного, так и зарубежного литературоведения, что вызвано интеллектуально-духовным богатством предмета изучения и обширными культурно-историческими связями двух стран. Со второй половины XX в. на первый план выходит методология компаративистики, в частности, имагологии, которая концентрируется на изучении создаваемых в литературных произведениях образах других наций и народов. В отечественном литературоведении конца XX – начала XXI вв. определяется целая плеяда ученых, посвятивших

себя изучению художественного образа России и русских в литературе Великобритании разных периодов: Н. Михальская [1], Л. Хабибуллина [2], Б. Проскурнин, Н. Бочкарева [3], О. Полякова [4], С. Королева (Климова) [5, 6], Т. Красавченко [7], Вл. Луков [8] и др. Исследователями обозначены основные вехи формирования «русского мифа» в британской литературе и траектория взаимодействия литератур двух стран, при этом они сами признают, что вопрос о взаимоотношениях русского и западного миров, о месте России в человеческой цивилизации остается открытым [5, 7].

Действительность предопределяет, что в наше время образы других народов изучаются преимуще-

щественно на материале медийного дискурса, но тем не менее потенциал художественных текстов остается так же велик для имагологического анализа, как и раньше, в том числе потому, что создаваемый автором художественный образ «необходимо соотносится с общим, традиционным, стереотипизированным, актуальным для настоящего исторического момента образом нации» [6, с. 28]. Изучение проблемы рецепции «другого», попытки понять, как «формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании» [9, с. 116] великие мифы о других народах и нациях становится тем интереснее, чем теснее взаимодействуют и переплетаются художественный и медийный дискурсы.

В программной статье 2016 г. «Imagology: On using ethnicity to make sense of the world» Й. Леерсен отмечает заметный нарративный сдвиг и говорит о том, что художественная литература перестает быть наиболее важным и значительным средством распространения стереотипов, постепенно разделяя эту функцию с другими источниками – с различными медиа [10, р. 23]. А ведь за прошедшие несколько лет смещение нарративного поля в область интернет-коммуникаций стало еще заметнее. Возрастающая роль медийного дискурса и принципиально новые скорости и типы распространения информации предопределяют, что «неправильные, односторонние, основанные на недостаточной или неполной информации, а то и просто на предрассудках, мнения о других странах и народах приобретают устойчивость стереотипов. Эти стереотипы живут в народном сознании, они влияют на изображение иных стран, иных культур в литературном сознании» [9, с. 116].

Итак, в настоящее время медийный стереотип в большей степени, чем раньше, становится основой для создания художественного текста, особенно политически и идеологически ангажированного. Как мы уже отмечали, тема России всегда присутствовала в британской литературе. На современном этапе она в основном фигурирует в произведениях массмаркета, любовных романах на исторические сюжеты (преимущественно о царской семье) – в произведениях такого рода фактические данные о стране служат лишь фоном для развертывания приключенческих или любовных коллизий. Но есть и второй пласт произведений, где авторы ставят целью прежде всего изображение политического строя в стране и осуждение действующей идеологии. Как правило, речь идет либо о сугубо публицистических произведениях, либо о шпионских детективах. Несколько особняком стоит роман современного британского писателя Майкла Хонига «The Senility of Vladimir P» [11] («Слабость Владимира П.»), вышедший в 2016 г. и повест-

ующий о России будущего. Автор представляет читателю один из возможных вариантов исторического развития. После пятикратного президентского срока весьма пожилой, но все еще очень физически крепкий президент Владимир П. отстранен окружением от дел из-за прогрессирующей деменции и доживает век на правительственной даче в окружении ограниченного числа прислуги.

Однако роман Хонига, очень быстро ставший популярным и сыскавший массу положительных отзывов критиков и бурную реакцию прессы, представляет интерес вовсе не из-за провокационного историко-фантастического сюжета, а Владимир П., хотя автор, имея за плечами медицинский опыт, очень достоверно описывает признаки болезни и возможное поведение пораженного старческой деменцией лидера страны, – всего лишь второстепенный персонаж. Главный герой – Николай Шереметьев, выполняющий при Владимире П. функции сиделки.

На наш взгляд, в романе Майкла Хонига представлен стереотипный образ русского «маленького человека», заимствованный из русской литературы конца XIX – начала XX в. Автор помещает этот образ в современный «российский» антураж, активно создаваемый и продвигаемый британскими СМИ на протяжении последних десятилетий. Гипотеза состоит в том, что, воссоздавая в историко-фантастическом произведении типичный образ «маленького человека», автор конструирует узнаваемый западным реципиентом миф о России, представляющий собой многослойную систему стереотипов.

Таким образом, цель исследования – охарактеризовать стереотипный образ русского «маленького человека» и его функционирование в современном британском романе. Мы не ставим задачу сопоставлять образы «маленького человека» в русской и западной, в частности английской культуре (литературе), а стремимся определить, как функционирует стереотипно перенесенный английским автором в роман о России образ «маленького человека», какую функцию играет в метамифе о России как иной среде. Объект исследования – образ «маленького человека» как элемент для конструирования «русского мифа», предмет – признаки стереотипности в изображении русских персонажей романа.

Материал и методы

Текст романа современного британского писателя Майкла Хонига «The Senility of Vladimir P», опубликованного в 2016 г., рассматривается с точки зрения рецепции и репрезентации иной культуры в национальной [6, с. 3]. В качестве основной выбрана методология компаративистики, в частности имагологии. Образ постпутинской России в

произведении британского писателя представлен через призму коллизии, связанной с историей жизни и потрясения отдельно взятого «маленького человека», воспринимается и интерпретируется нами как часть и средство конструирования мифа о России в современном британском культурном пространстве. Все цитаты из романа М. Хонига приводятся в тексте в переводе автора статьи, так как роман не переводился на русский язык.

Междисциплинарность имагологии позволяет изучать образ «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [12, с. 251]. Имагология как наука прошла большой путь, и если раньше главной целью был скорее описательный, чем аналитический сбор информации о представлении иностранцев в корпусе литературных текстов [10, р. 14], то на современном этапе она отличается проработанной методологией, основная задача которой сводится не к пониманию общественных процессов, а к постижению дискурсивной логики, при этом анализ проводится на трех уровнях: интертекстуальном, контекстуальном и непосредственно текстовом [10, р. 20]. В настоящем исследовании **методология** имагологии является основной.

Продуцируемые художественным или медийным дискурсом образы представителей определенного народа, нации не следует воспринимать в качестве отражения их действительных качеств: речь, скорее, идет о весьма относительных наборах характеристик, которые Дизеринк называл «фикциями» [13, р. 5], а Леерссен подчеркивал, что этнотипы, т. е. репрезентации национального характера, нельзя измерить эмпирическим путем по отношению к объективно существующему означаемому [10, р. 16], раскрываются они только при наличии в нарративе оппозиции «свой-чужой» [10, р. 17] и не могут быть константны [10, р. 18]. В понятийном аппарате имагологии таким образом на первый план выходит понятие стереотипов, при помощи которых человек структурирует сложный внешний мир и легче воспринимает окружающую реальность. Опираясь на разработки школы сравнительно-исторического литературоведения, и в частности А. Н. Веселовского, можно воспринимать стереотип в качестве своеобразного мифа или системы мифологем, «сложившейся в представлении о какой-либо стране, как коллективного (и, в общем, бессознательного) образа этой страны, имеющего разноуровневое сложное строение и стадийное развитие» [9, с. 116–117].

Результаты и обсуждение

В рецензиях западной прессы роман Майкла Хонига позиционируется прежде всего как книга

«о путинском режиме», коррупции, тирании и не-свободе и именно этим вызывает интерес читателей. Ведь даже несмотря на развитие технологий и максимальную прозрачность современного мира, Россия и ее лидер по-прежнему остаются загадкой для западного читателя. По мнению современного американского писателя-эмигранта белорусского происхождения Бориса Фишмана, российский президент Владимир Путин не часто появляется на страницах современной прозы, потому что создаваемая им реальность настолько фантастична, что в дополнительном художественном осмыслении и приукрашивании не нуждается [14]. На Западе он фигурирует в шпионских романах, в России – в сюрреалистических аллегориях [14]. Роман Хонига нельзя отнести ни к первой группе произведений, ни ко второй. Под скандальным заголовком автор предлагает нам повествование о жизни в России через призму темы «маленького человека».

Образ «маленького человека» возникает в русской литературе XIX в.: речь о непримечательном, довольствующемся малым, обреченном на страдания персонаже. В рамках данного исследования нас интересуют прежде всего взаимоотношения героя такого типа с государственной машиной, с всегда враждебным социумом. Так, русско-американский критик Соломон Волков обнаруживает наличие прямой связи между степенью контроля культурного процесса со стороны правителя и устойчивостью режима [15, с. 6]. А. О. С. Шурупова, рассматривая эволюцию образа с момента его появления до наших дней, заключает, что всегда «мечты и чаяния [маленького человека] <...> будут противопоставлены государственной необходимости» [16, с. 120].

Как следствие значительного влияния русской литературы на западноевропейскую в конце XIX – начале XX в., появляется этот образ и в творчестве английских писателей. Например, в статье «Уильям Джехарди: английский писатель с русским акцентом – о революции и Гражданской войне» Т. Красавченко, хотя и не использует прямо сочетание «маленький человек», указывает на существование в британской литературе начала XX в. именно такого типа героя. Вот как она характеризует роман Джехарди, давшего толчок целой плеяде британских писателей разных поколений: «„Тщета“ – это одновременно книга о беспорядочной жизни русской семьи на фоне жизни революционной России, и исследование „загадочной русской души“, и остроумный роман, пародирующий русскую литературу и воздающий ей должное, а в целом это роман о человеческом существовании» [7, с. 950]. Доминанта жизни героев «Тщеты» – чеховское ожидание; а в романе «Полиглоты», где рус-

ская нить оказывается основополагающей, «ощущение фатальной бездейственности, парализующей инерции, господствующих в романе „Тщета“, только обостряется» [7, с. 951].

Итак, перед нами Николай Шереметьев, в течение шести лет выполняющий функции сиделки при отошедшем от власти и теряющем разум пациенте. Сам Шереметьев, «small man» – «маленький человек», как на первых же страницах характеризует его автор, совершенно не интересуется политикой и не следит, кто стоит у руля в Кремле, его единственная забота – уход за Владимиром П., живущим прошлым, но все еще физически крепким. Николай Ильич Шереметьев родился в семье рабочего фармацевтического завода и билетерши московского метро, а дни его юности выпали на время заката Советского Союза. Несколькими штрихами Хониг рисует перед нами весь жизненный путь главного героя: служба в армии, прозябание на зарплату младшего медперсонала, смерть жены из-за болезни и, наконец, приглашение профессором Калиным на нынешнюю должность. Зато есть у Шереметьева одно исключительное качество – он удивительно честен. Вернее, его честность удивляет других, а для него она – неотъемлемая часть натуры. В армии Николай так и не понял, что его майор привлекает солдатиков для постройки собственной дачи, а вовсе не государственных объектов; лишь значительно позже жена брата откроет ему глаза на то, что любимая Каринка так и не дождалась очереди на операцию, потому что Шереметьев не догадался предложить врачам взятку; сын-рэкетир станет для несчастного Шереметьева откровением в один из самых острых моментов жизни, когда его же и предаст ради мнимой бандитской чести и денег. А пока главный герой живет как Иешуа Га-Ноцри из романа Булгакова, считая, что все люди добрые, что «злых людей нет на свете».

Для типичного «маленького человека» без социального статуса и выдающихся способностей Майкл Хониг выбирает фамилию знатного рода Шереметьевых, которая ассоциируется прежде всего с дворянской Россией, утраченной в 1917 г. Смело можем говорить, что в романе звучит она как синоним к слову «благородный»: но если у читателя русского скорее возникает диссонанс из-за рабочей семьи и жизни главного героя (ведь Шереметьевы благодаря своему богатству были самым влиятельным кланом в России), то в сознании читателя западного такое сочетание лишь укрепляет миф о последнем по истине благородном русском, уцелевшем в истерзанной тираническими режимами России. Не только фамилия помогает автору полнее раскрыть характер простодушного Шереметьева: окружение – и семья брата, и остальной персонал дачи – называет его Святым Николаем.

Только вот делают они это скорее в издевку: «Святой Николай – называли его коллеги. Но в этом прозвище не было восхищения, которого заслуживал бы почитаемый, неподкупный человек. В нем звучала насмешка, в лучшем случае – жалость. К нему относились как к идиоту» (здесь и далее перевод наш. – О. М.) («Saint Nikolai, his coworkers called him, but not admiringly, in the tone one might use for a revered and incorruptible colleague, but tauntingly, at best, pityingly, in the tone one would use for an idiot» [11]). А к концу романа, когда герой внезапно осознает суть окружающего его бесчестного мира, он и сам с горькой иронией назовет себя дурачком.

Николай Шереметьев не склонен к рефлексии, не видит мерзостей жизни, не замечает даже самых очевидных признаков несправедливого, разъеденного коррупцией и воровством общества, гротескно изображенного автором. Но его комфортный мир разрушает потеря последнего по-настоящему близкого человека. Паша, племянник Шереметьева, арестован за публикацию откровенного поста, обличающего власти прошлого и настоящего. И теперь прокурор, узнав, что Паша из семьи человека, приближенного к Владимиру П., требует за его освобождение взятку невообразимого размера – 300 тыс. долларов. Ситуация утраты Паши, который своей чистотой и честностью чем-то похож самого Шереметьева, становится для главного героя катализатором осознания реальности. И вот он уже начинает понимать, как устроена система откатов на правительственной даче, и раздумывает над тем, что написал племянник в своем блоге о коррумпированности власти, где в роли самого большого злодея, уничтожившего Россию, выступает его пациент.

С этого момента повествование набирает обороты, меняется его характер: действительность приобретает все больше гротескных черт, а метафоры становятся все откровеннее и прямолинейнее. Картина мира Шереметьева переворачивается с ног на голову; перерождение героя отмечается на событийном уровне: в одном из припадков слабоумия пациент наносит своему компаньону травму, рассекая щеку собачкой от молнии на той самой куртке-бомбере, которая фигурирует на стольких реальных снимках президента. Болезненный шрам на щеке Шереметьева так и не заживет, как не затянется больше никогда его раненная страшными открытиями душа, а при каждом новом потрясении будет кровоточить и доставлять мучения.

Читатель становится свидетелем болезненной трансформации Шереметьева, «маленького человека», последнего честного человека в России, который, хоть и «не легко отбросить в сторону полвека честной жизни» [11], идет на сделку с совестью

и, сначала ради выкупа для Паши, крадет дорогие часы из многомиллионной коллекции своего пациента, оставшейся от прошлой жизни.

Но на этом сюжетном повороте из повествования Хонига исчезает столь тщательно выписанный им в первой части романа почти чеховский «маленький человек». Ведь такой тип героя обречен на несчастье и бороться за свое счастье никогда не будет. А Шереметьев, успешно украв и продав антикварам первую пару часов, вдруг чувствует вкус к деньгам, к богатой жизни, решает бежать за границу и теперь уже продолжает воровать исключительно ради наживы, а не ради спасения ближнего. Герой начинает действовать в рамках англо-саксонской традиции, когда маленький человек – чаще клерк – обязательно борется за свое счастье, за мечту и, как правило, обретает желаемое. О. С. Шурупова, сравнивая «маленьких людей» в петербургском и лондонском сверхтекстах, указывает на то, что такой герой английской литературы не вызывает жалости, главная причина его неудовлетворенности жизнью – нехватка денег, а о покорности судьбе речи, как правило, не идет. На уровне обобщений можно говорить об отражении в поведении героев различий англосаксонской индивидуалистической культуры и русской коллективистской [16, с. 123]. Мы видим, что образ «другого» подается Хонигом именно с перспективы англосаксонской традиции, деятельностной, в которой на самом деле выписаны и все остальные персонажи: русские только по антуражу и соответствующие западному стереотипу, но при этом совершенно зараженные западным индивидуализмом. Получается, что сам роман – столкновение двух цивилизаций, двух подходов к миропониманию.

Еще одним претендентом на типаж «маленького человека» из русской литературы оказывается в романе Хонига брат Николая Шереметьева. Олег, школьный учитель математики, на два года младше, поэтому они с братом всегда были очень близки: только вот Олик, как называет его Николай, немного крепче стоит на земле и живет в реальности, понимая, как устроена страна вокруг них. Вообще, автор «Слабоумия Владимира П.», стремящийся осмыслить российскую действительность при помощи сатиры в том числе, демонстрирует весьма посредственное знакомство с русской культурой. Вернее будет сказать, знакомство через не самых лучших посредников. Совершенно неестественными оказываются фамилии и имена персонажей романа: Горовьев, Манаров, Коляков, Триковский, Нарзаев, Серенский, Лусккин, Сверков, Элейков и др., женский диминутив «Олик» для ласкового обращения к брату.

Не тянет в итоге на революционно-романтического героя и племянник Паша, который публикует

в своем блоге обличительный опус о сути российской власти, насквозь тиранической и коррумпированной. За смелый и неосмотрительный поступок восторженный юноша попадает в тюрьму, что, собственно, и меняет жизнь главного героя, заставляя его переоценивать ценности, но патриотизм очень быстро покидает Павла Шереметьева, и он решает уехать за границу, как только получит свободу: внезапный отказ любимого племянника Паши от своих убеждений и идеалов становится последним аргументом, толкающим Николая Шереметьева на преступление. Именно в этот момент он решает стать дельцом и продать часы своего пациента как можно дороже, чтобы тоже уехать из страны и наслаждаться материальной роскошью. Главный герой идет на преступление: не только и не столько против своего подопечного, сколько против себя самого – своей сущности честнейшего простого человека.

Й. Леерссен указывает на то, что между жанром художественной литературы и частотностью появления этнотипов существует прямая зависимость: так, этнотипы, как примитивные художественные средства (*rude*), преимущественно реализуются в примитивных же, стремящихся к максимальной условности изображения жанрах: фарсах, сентиментальных комедиях, оперных либретто, мелодрамах и в шпионских романах. В более «серьезных» жанрах этнотипы появляются в качестве второстепенных персонажей либо становятся основой для реализации в тексте иронии [10, р. 23]. По мнению зарубежных критиков, произведение Хонига носит сатирический характер и отличается ярким юмором [17–19], однако вряд ли можно утверждать, что русскоязычным читателем оно будет восприниматься в качестве сатиры. Скорее, носитель русского культурного кода отметит явную гротескность большинства образов и ситуаций. Причем по мере развития сюжета гротеск нарастает, а условность становится доминирующим художественным приемом. Шеф-повар дачи Степанин каждый вечер выпивает две бутылки водки и, предавшись истинно русской мрачной тоске и погоняв не только крепким словом, но и парой подзатыльников посудомоек, встает к плите готовить на завтра изощренные блюда. Он склонен к философствованию и цитированию Пушкина: «Если бы у бабушки были яйца, она была бы дедушкой. А что тут скажешь? Все так, как есть. России – это Россия, Коля. Жить в России – значит жить в аду: разве не так говорил Пушкин?» («*And if my grandmother had balls, she'd be my grandfather. What can you say? It is what it is. Russia is Russia, Kolya. To live in Russia is to live in hell – isn't that what Pushkin said?*» [11]). Именно так, по мнению автора, должна выглядеть мятущаяся русская душа: много водки, со-

четание грубости и любви к «солнцу русской поэзии» и, конечно же, великая мечта. Степанин мечтает открыть в Москве собственный ресторан минималистской русской кухни, ради чего и проворачивает который год махинации с поставками на дачу продуктов. Именно ради мечты он вступает в смертельную схватку с новой экономкой дачи, которая стремится перевести на себя все денежные потоки. Сотни килограммов курятины, поставляемой на дачу, будут сбрасываться в яму и гнить там, наполняя воздух зловонием, которое станет метафорой разложения общества и власти, скрыть которые уже невозможно.

Беспринципным дельцом оказывается водитель Элейков, большую часть времени сдающий дорогие автомобили экс-президента в аренду богатым заказчикам. Как типичный винтик системы, он сам же осуждает эту систему, не стесняясь в выражениях и обреченно существуя в ней: «Россия стоит на куче дерьма. <...> Так было во времена Ивана Грозного, так было во времена Сталина, так есть и сейчас. А чего ты ждешь? Стоит только высунуть голову на поверхность, как сразу понимаешь: вокруг одно дерьмо. И ты снова в него ныряешь с головой» («Russia is piled on shit. <...> It was the same in the days of Ivan the Terrible and it was the same in the days of Stalin and it's the same now. What do you expect? Every so often you get your head above the surface for a second and that's when you realise it, there's nothing around you but shit. After that – you're in again.» [11]). Садовник Горовьев, отстроивший на даче теплицы и снабжающий пол-Москвы элитными овощами и фруктами, оказывается журналистом, когда-то пострадавшим от произвола властей: то ли эдакий состарившийся и ушедший в мешанское прозябание вариант будущего для идеалиста-Паши, то ли человек, всю жизнь посвятивший мести своему обидчику.

Единственным персонажем, кроме Шереметьева, не получающим от работы на даче материальной выгоды, является подменная сиделка Вера. Она не замечена в нечестности или воровстве, но наделена иным стереотипным пороком: не скрываясь, Вера откровенно и нагло предлагает Шереметьеву вступить с ней в интимную связь – в этом аспекте она так похожа на героиню Достоевского, Крестовского, потерянных, одиноких, вынужденных торговать собой, только в ней гораздо сильнее просматривается распущенность, похоть. Вера – славянская женщина, не умеющая и не желающая выживать без мужчины, противопоставляемая западной самодостаточной.

Персонажем-аллюзией на русскую классику оказывается и молодая хозяйка ювелирного магазина Анна Михайловна Ростхенковская (Rostkhenkovskaya). И род занятий, и говорящая фамилия

(явно созвучная со словом «ростовщик», но искаженная в силу незнания англоязычным автором русской фонетики) позволяют увидеть в ней сходство со знаменитой героиней Достоевского – старухой-процентщицей Аленой Ивановной. Причем проявляется оно не только в умении наживаться на чужом горе, но даже во внешности: такие же мелкие черты лица, сухость и дробность фигуры.

Вася Шереметьев относится ко второй группе персонажей романа, основой для которых стала не русская литература, а усредненные стереотипные представления о России 90-х гг. XX в., фигурирующие и в западном, и в отечественном кинематографе, закрепленные в медиа. Итак, Василий Шереметьев, обеспечивающий «крышу» для бесчестных ювелиров, по иронии судьбы предает собственного отца ради бандитской чести. По схожему бандитскому кодексу живет и охрана дачи, по сути оказывающаяся организованной преступной группировкой во главе с прибалтом Артуром. Отметим, что антураж утрирован и сконструирован из усредненных стереотипных представлений о бандитской России 90-х гг. XX в.: бритоголовые туповатые качки в кожанках крышуют пол-Москвы, по вечерам без меры хлещут водку, а труп экономки сбрасывают ночью в зловонную яму с протухшим мясом. «Мы русские, а в России нельзя иначе» – эта фраза с теми или иными вариациями звучит в устах почти всех героев романа. Как отмечает Лерссен, именно национальность зачастую становится основным мотивом поведения того или иного персонажа, даже если связь между национальностью и привычными действиями совершенно искусственна [10, p. 18]. Но автора эта искусственность не смущает, потому что он действует в рамках уже устоявшегося мифа о России и русских. Тем более что нынешний период характеризуется непростой международной ситуацией, а, как известно, этнотипы, нейтральные и почти совпадающие с образами своих в период стабильности, в моменты напряженности между государствами заостряются [10, p. 19]. Наиболее пиковые моменты международной повестки, самые яркие сюжеты для новостей стали основой для ретроспекций из жизни бывшего главы государства: здесь и дело Ходорковского, и съемки в Карелии и многое-многое другое – такая подача делает образ лидера и российскую действительность абсолютно узнаваемыми для западного читателя, ведь всего лишь ангажированно отражает происходящее в западном медиапространстве. Таким образом, временной историко-культурный контекст оказывается одним из важнейших факторов влияния на конструирование мифа о России.

В целом герои Хонига находятся в рамках традиционного британского канона представлений о

русских, хотя и помещены в современный, условно-гротескный антураж. С. Королева, анализируя романы Дж. Конрада, в которых фигурирует образ России и русских, показывает, как английский писатель работает «...с глубинными чертами национального русского характера: страстностью, цинизмом, любовью к абстрактным идеям, отсутствием четких принципов» [5, с. 959]. На основании обширного материала исследовательница демонстрирует, что одним из факторов, которые определили вошедшие в канон представления о русских, стала географическая протяженность России, ее бескрайние и суровые просторы. Среди основных черт русских, заметных для англичан-современников Дж. Конрада, она отмечает «неопределенность во всем, эмоциональную отзывчивость, восприимчивость, безответственность» [5, с. 959]. Но героев, обладающих этими характеристиками, в романе Хонига нет: с большой натяжкой можно отнести к таковым братьев Шереметьевых. Возможно, это связано с тем, что события романа почти полностью разворачиваются в замкнутом пространстве: всего пару раз главный герой покидает микромир дачи, путешествуя между локусами, и лишь однажды он делает это без сопровождающих лиц, что подчеркивает его положение заложника места, с которым он сросся. Попытка вырваться оказывается обречена на провал, а иной локус – смертельно опасен, ведь там даже собственный сын Шереметьева оказывается врагом.

До момента завязки главный герой романа Николай Шереметьев находится в состоянии пусть и хрупкого, но все же душевного равновесия – типичный маленький человек, довольствующийся тем, что имеет, не задумывающийся о происходящем вокруг, не пытающийся анализировать. Но нарастающая как снежный ком ситуация заставляет его утратить точку опоры, а угроза душевному спокойствию очень быстро трансформируется в реальную опасность для жизни. Сам герой осознает себя как ничтожество: «Он был пустым местом. Николай Ильич Шереметьев – червь, слизняк, гриб, маленький человек, не понимающий устройства вещей, дурак, которым пользовались всю его жизнь в России, бывшей раем для тех, кто умел пользоваться дураками» («He was nothing: Nikolai Ilyich Sheremetev, a worm, a slug, a mushroom, a little man who knew nothing about how anything worked, a fool who had been taken advantage of all his life in this Russia which was a paradise, above all, for those who took advantage of fools» [11]).

Заключение

В романе «Слабоумие Владимира П.» Майкл Хониг выстраивает гротескный, абсурдистский

образ России середины XXI в. Мир правительственной дачи выступает в качестве микромодели российской действительности, где сытое бездумное существование рано или поздно приведет к апокалипсису. Персонажи-этнотипы оказываются и действуют в ситуациях высокой степени условности, не претендуя на психологизм изображения и раскрытие характеров. Легко узнаваемые типажи-функции – шеф-повар, врач, охранник, экономка, садовник, новый президент, элитная скупщица краденого, учитель и др. – призваны создать максимально полную, всеохватную картину российской действительности, отразить русские национальные черты такими, какими они вписаны в привычный для британцев миф о России.

Этнотип граждан России середины XXI в. Хониг конструирует из: 1) традиционного для русской литературы образа маленького человека (Николай Шереметьев) и его окружения; 2) медийного образа российских чиновников высшего эшелона власти, сформированного преимущественно западными СМИ и российскими либеральными СМИ; 3) утрированного и схематичного образа типичного русского, фигурировавшего в западном кино конца XX в. Отличительной чертой романа Хонига становится противопоставление сугубо литературного образа Шереметьева как типичного «маленького человека» другим героям, образы которых выстроены на медийном материале. В итоге перед нами разворачивается конфликт не только разных жизненных установок, но становится очевидным противопоставление русского и английского (шире – англо-саксонского) миров на культурно-цивилизационном уровне. Шереметьев, последний «святой человек» в России, и в этой святости доходящий до блаженности, погибает, когда решает действовать в рамках англо-саксонского деятельного паттерна, нарушает сакральные границы, выходит за пределы замкнутого пространства (дачи, собственного душевного комфорта), перестает вести себя как типичный русский маленький человек, который обречен на несчастье и за счастье бороться никогда не будет.

При этом, хотя произведение вряд ли претендует на звание литературного шедевра, его воздействие несомненно велико – главным образом за счет мифотворческого потенциала. Роман Хонига – отличная иллюстрация вторичной актуализации, когда сконструированный под воздействием медиа художественный текст начинает восприниматься в качестве образца *non-fiction*, становясь своеобразным симулякрот реальности, т. е. «речь идет о субституции, подмене реального знаками реального» [20, с. 7].

Список литературы

1. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: Московский гос. ун-т, 1995. 152 с.
2. Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в современной английской литературе // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического ун-та. 2010. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-mif-v-sovremennoy-angliyskoy-literature> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Бочкарева Н. С., Проскурнин Б. М. Образ и миф в английской литературе о России // Вестник Пермского ун-та. 2015. Вып. 4 (32). С. 142–146.
4. Полякова О. А. Образ России в литературе Великобритании: имагологические аспекты исследований Н. П. Михальской // Концепт. 2016. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-literature-velikobritanii-imagologicheskie-aspekty-issledovaniy-n-p-mihalskoy> (дата обращения: 01.10.2019).
5. Королева С. Россия и русские в художественном мире Джозефа Конрада // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 958–973. DOI 10.15826/qr.2017.4.261
6. Королева С. Б. Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2014. 38 с.
7. Красавченко Т. Уильям Джекхарди: английский писатель с русским акцентом – о революции и Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 941–957. DOI 10.15826/qr.2017.4.260
8. Луков Вл. А. Русская литература: генезис диалога с европейской культурой / отв. ред. Вл. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 100 с.
9. Козлова А. А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 114–118.
10. Leersen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world // Iberical, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines. 2016. № 10. P. 13–31.
11. Honig M. The Senility of Vladimir P. Kindle Edition. New York: Pegasus Books, 2007. 336 p.
12. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.
13. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity. URL: https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf (дата обращения: 01.10.2019).
14. Fishman B. A Novel Imagines Putin Is Retired and Has Dementia. August 19, 2016. The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/21/books/review/senility-of-vladimir-p-michael-honig.html> (дата обращения: 01.10.2019).
15. Волков С. История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917. М.: Эксмо, 2011. 320 с.
16. Шурупова О. С. Образ «маленького человека» в петербургском и лондонском текстах // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2014. № 4. С. 120–123.
17. Maye B. The Senility of Vladimir P by Michael Honig review: satire on Putin's regime. June 4, 2016. The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/the-senility-of-vladimir-p-by-michael-honig-review-satire-on-putin-s-regime-1.2671919> (дата обращения: 01.10.2019).
18. Taplin Ph. The Senility of Vladimir P by Michael Honig review – a topical tale of corruption. March 12, 2016. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/mar/12/the-senility-of-vladimir-p-by-michael-honig-review> (дата обращения: 01.10.2019).
19. Zilberbourg O. Review: The Senility of Vladimir Putin. December 17, 2016. The Common. URL: <https://www.thecommononline.org/review-the-senility-of-vladimir-putin/> (дата обращения: 01.10.2019).
20. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2018. 240 с.

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Севастопольский государственный университет (ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053). E-mail: kerulen@bk.ru

Материал поступил в редакцию 21.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-3-86-95

“BLESSED INNOCENCE”: A SMALL MAN CHARACTER IN THE MODERN BRITISH LITERATURE

O. A. Moskalenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction. In the modern novel “The Senility of Vladimir P” a typical image of a “small man” is created and the myth of Russia as a multi-layered system of stereotypes recognizable by the Western recipient is constructed. The purpose of the study is to characterize the stereotypical image of the Russian “small man” in the modern British novel and to determine its functions in the meta-myth of Russia.

Material and methods. The methodology of comparative studies, in particular, imagology is used as its the interdisciplinary nature allows one to study the image of the “Other” in the social, cultural and literary consciousness of

another country at intertextual, contextual and textual levels upon the concept of stereotypes (according to J. Leerssen). “The Senility of Vladimir P” by M. Honig is a material for research.

Results and discussion. Under a scandalous headline, the author offers us a story about life in Russia through the prism of the theme of “small man”. The main character, Nikolay Sheremetyev, is not inclined to reflection until the situation of loss appears and his beloved nephew is arrested. From this moment on, the narrative is gaining momentum, the main character is changing: reality acquires more and more grotesque features, and reader witnesses painful transformation of Sheremetyev, the “small man”, the last honest person in Russia, who makes a deal with his conscience and begins to act within the framework of English-Saxon tradition. The image of the “Other” is presented by Honig precisely from the perspective of the Anglo-Saxon tradition in which all the other characters are actually written out: Russians only by entourage and consistent with the Western stereotype, but infected with Western individualism. The characters of the novel are classified by type depending on the model of behavior and prototype.

Conclusion. M. Honig builds a grotesque, absurd image of Russia in the middle of the XXI century. Ethnotype characters act in conditional situations without author pretending to psychologize the image and reveal characters, because they must create the most complete, comprehensive picture of Russian reality, reflect Russian national features as they fit into the British myth of Russia that is familiar to the British. Honig constructs the ethnotype of Russian citizens of the mid-XXIst century from 1) the image of a small man (Nikolai Sheremetyev), traditional for Russian literature; 2) the media image of Russian elite formed mainly by Western media and Russian liberal media; 3) an exaggerated and schematic image of a typical Russian, featured in Western cinema of the late twentieth century. Before us there is a conflict not only of different attitudes, but the opposition of the Russian and English (more broadly Anglo-Saxon) worlds at the cultural and civilizational level. Honig’s novel is an example of secondary actualization, when a fiction text constructed under the influence of the media begins to be perceived as a non-fiction model, becoming a kind of simulacrum of reality.

Keywords: *imagology, ethnotype, image of Russia, British literature, small man, myth, Russian myth.*

References

1. Mikhal'skaya N. P. *Obraz Rossii v angliyskoy khudozhestvennoy literature IX–XIX vv.* [Image of Russia in English Fiction of the IX–XIX century]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1995. 152 p. (in Russian).
2. Khabibullina L. F. Natsional'nyy mif v sovremennoy angliyskoy literature [National myth in the modern English literature]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2010, no. 20 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-mif-v-sovremennoy-angliyskoy-literature> (accessed 1 October 2019).
3. Bochkareva N. S., Proskurnin B. M. Obraz i mif v angliyskoy literature o Rossii [Image and myth in English literature about Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2015, iss. 4 (32), pp. 142–146 (in Russian).
4. Polyakova O. A. Obraz Rossii v literature Velikobritanii: imagologicheskiye aspekty issledovaniy N. P. Mikhal'skoy [Image of Russia in the literature of Great Britain: imagological research by P. Mikhal'skaya]. *Kontsept – Koncept*, 2016, no. 8 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-literature-velikobritanii-imagologicheskiye-aspekty-issledovaniy-n-p-mihalskoy> (accessed 1 October 2019).
5. Koroleva C. Rossiya i russkiye v khudozhestvennom mire Dzhozefa Konrada [Russia and russians in Joseph Conrad's literary world]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 958–973. DOI 10.15826/qr.2017.4.261. (in Russian).
6. Koroleva S. B. *Mif o Rossii v britanskoy literature (1790-e – 1920-e gody)*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Russian myth in British literature. Abstract of thesis of doct. philol. sci.]. Nizhny Novgorod, 2014. 38 p. (in Russian).
7. Krasavchenko T. Uil'yam Dzhekhardi: angliyskiy pisatel' s russkim aktsentom – o revolyutsii i Grazhdanskoj voyne [William Gerhardt: an English Writer with a Russian Accent – on the Revolution and Civil War]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 941–957 (in Russian). DOI 10.15826/qr.2017.4.260.
8. Lukov V. A. *Russkaya literatura: genesis dialoga s evropeyskoy kul'turoy* [Russian Literature: Genesis of Dialogue with European Culture]. Ed. By Val. Lukov. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2006. 100 p. (in Russian).
9. Kozlova A. A. Imagologicheskiy metod v issledovaniyakh literatury i kul'tury [Methods of Imagology in the Research of Literature and Culture]. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*, 2015, no. 3, pp. 114–118 (in Russian).
10. Leerssen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world. *Iberical, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines*, 2016, no. 10, pp. 13–31.
11. Honig M. *The Senility of Vladimir P*. Kindle Edition. New York: Pegasus Books, 2007. 336 p.
12. Oshchepkov A. R. Imagologiya [Imagology]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2010, no. 1, pp. 251–253 (in Russian).
13. Dyserinck H. *Imagology and the Problem of Ethnic Identity*. URL: https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf (accessed 1 October 2019).
14. Fishman B. A Novel Imagines Putin Is Retired and Has Dementia. *The New York Times*, August 19, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/21/books/review/senility-of-vladimir-p-michael-honig.html> (accessed 1 October 2019).
15. Volkov S. *Istoriya russkoy kul'tury v tsarstvovaniye Romanovykh: 1613–1917* [A History of Russian Culture under the Romanovs: 1613–1917]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 320 p. (in Russian).
16. Shurupova O. S. Obraz “malen'kogo cheloveka” v peterburgskom i londonskom tekstakh [Image of a “small man” in texts about

St. Petersburg and London]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*, 2014, no. 4, pp. 120–123 (in Russian).

17. Maye B. The Senility of Vladimir P by Michael Honig review: satire on Putin's regime. *The Irish Times*, June 4, 2016. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/the-senility-of-vladimir-p-by-michael-honig-review-satire-on-putin-s-regime-1.2671919> (accessed 1 October 2019).
18. Taplin Ph. The Senility of Vladimir P by Michael Honig review – a topical tale of corruption. *The Guardian*, March 12, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/mar/12/the-senility-of-vladimir-p-by-michael-honig-review> (accessed 1 October 2019)
19. Zilberbourg O. Review: The Senility of Vladimor Putin. *The Common*, December 17, 2016. URL: <https://www.thecommononline.org/review-the-senility-of-vladimir-putin/> (accessed 1 October 2019).
20. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Moscow, Postum Publ., 2018. 240 p. (in Russian).

Moskalenko O. A., candidate of philology, associate professor, Sevastopol State University (ul. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053). E-mail: kerulen@bk.ru